

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЖИЗНИ

земное

Мария Волощук Махоша

16+

Мария Волощук Махоса

Заметки на полях жизни. Земное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62454183

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97796-9

Аннотация

Слушать, подслушивать, подсматривать – то чем на самом деле занимаются авторы. Часто из этого их занятия рождаются небольшие заметки, рассказы, очерки. Маленькие осколки реальной жизни, из которых собирается весь её пазл с 2016 по 2020 годы, собраны в этой книге, от «Писем Зое», вымышленной умершей подруге, до котов и сестёр – все настоящее.

Содержание

Один зимний вечер, два кота и три сестры	4
Божественный нетвокинг	24
Спорящий со смертью	33
О пользе свежего воздуха и французского шоколада	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мария Махоша

Заметки на полях жизни. Земное

*Честно
подсмотренное*

прожитое/подслушенное/

Один зимний вечер, два кота и три сестры

– Не понимаю я, как в квартире, где два кота, могут водиться мыши? – спросила Екатерина у всех сразу и ни у кого конкретно, задавая тему для обсуждения участникам застолья. Она сидела в неудобной позе, больше подходящей для фотосессии, чем для светской беседы. Одна нога в туфле на высоченном каблуке чуть сзади, под жёлтым, в далёком прошлом, креслом на тонких деревянных ножках, обивку которого седоки засалили и затёрли до дыр, а коты вдобавок стильно избахромали. Другая изящно выставлена под стол, обнажив щиколотку с косточками. В руке бокал шампанского, локоть опирался на драный подлокотник с предательски торчащим, местами потемневшим от времени поролоном и деревянным исподним со следами кошачьих когтей.

Сама Катя подалась вперёд с прямой спиной, перенеся вес на ноги, и хоть росточком была невысока, но теперь сидела как модель, отчего мужики плыли и забывали дышать. И не то чтобы Катя этого хотела – здесь не было ни одного достойного такой позы мужчины, но пружина, торчащая из сиденья старого кресла, не оставляла ей шансов сегодня быть некрасивой.

С начала её времён, сколько помнит, Катя пропивала Новый год в этом кресле, от вишнёвого компота до Prosecco, которое теперь привозила с собой. В детстве, четверть века назад, она отбила лучшее в доме посадочное место у сестрёнки Нюши в честном бою. С тех пор оно называлось "Катино кресло" – надпись эта, нацарапанная ржавым гвоздём, красовалась на подлокотнике, и каждый, кто садился по ошибке, обязан был уступить его вздорной хозяйке по первому требованию. Кресло это было символом Катькиного превосходства, её победы и права быть в семье первой, а значит, главной. Для младшей сестры это, согласитесь, важно. И вот теперь эта досадная пружина вылезла. "Сидят тут в отсутствие владельницы всякие! Если бы использовалось оно как положено, когда приезжаю раз в год, было бы новёхоньким, как другое, стоящее напротив. Хоть бы только не Нюшка в нём ёрзала в моё отсутствие, мне назло", – думала Екатерина, раскорячившись на своём пружинном троне.

Старшая сестра Нюша, когда подносила на стол очередную миску нарезанного добрыми руками салата, смотрела,

как Катька мучится, и жалела её – она ведь старшая сестра, ей положено малых жалеть. Такая красивая, модная, в синих штанах с голубыми лампасами и блестящей кофте из пайеток, сестрёнка сидела словно на колу, бедняжечка, и бесконечно что-то писала в телефоне своему муженьку, который ждал её на далёком морском берегу и приехать с Катей в её "тараканий домик" (так он назвал Ньюшину квартиру) снова не возжелал. Судя по тени, которая ложилась на лицо младшей с каждым его сообщением, он сейчас намеренно трепал девке нервы. Не удивительно, что она с тоски про мышей заговорила – ни мужика хорошего, ни детей ей Бог не даёт, вот и лезут в голову глупости.

– Ань, ну вот почему, скажи, ты не купишь новую мебель? Я ж тебе шлю каждый месяц денег на халяву, считай. Отложила бы чуток и купила, – приступила к сестре измученная позой и мужем Катерина.

– Катюш, нам совсем впритык хватает. Фролу Ивановичу нужны последнего поколения лекарства, только на них пять тысяч уходит в месяц, а ещё квартира столько же, питание дорогое, одежда. Шесть тысяч не роскошь, чтобы мебель покупать, а средство выживания, – спокойно объяснила Ньюша.

– Зачем тебе одежда, если ты тут сидишь безвылазно, до собеса и обратно. Душегрейка да валенки, что ещё тут может пригодиться? Ты котов выгони, и хватит тебе и на мебель, и на бутерброд с икрой. Вон они у вас, мышей даже не ловят, обнаглели в край! – ответила Катя свысока, хоть и сидела

НИЗКО.

– Так я ещё хожу, помогаю по домам дорогим тут, зарабатывать-то надо! – терпеливо объясняла Нюша.

– Тем более денег у тебя полным-полно, судя по обилию дорогих коттеджей! Что ж мебель не купишь? Или на приданое всё себе копишь? – съязвила Катя над сестрой, которая в свои тридцать семь замужем никогда не была, и все уже давно списали её с брачных счетов.

Нюша, женщина смиренная и добрая, всю жизнь ухаживала за кем-то немощным. Так вышло, что ей, старшей, нужно было матери помогать Катьку растить, чтобы талантливая сестрёнка могла учиться. Катюшка маленькая так рисовала – даже не учёная ещё, могла человека изобразить, словно в руках у неё фотоаппарат встроен. Конечно, талант такой учить нужно, и в школе, и в институте потом! А мама слегла, и сама Нюша пошла в медучилище, выучилась на медсестру, ходила за мамой, мечтала стать врачом, но не смогла – мама совсем разболелась, год последний Нюша от неё дальше магазина за углом не отходила, какая тут учёба? Читала книги, учебники дома, чтобы потом нагнать. Мама умерла в декабре, освободила Нюшу жить, и старшей было очень стыдно тогда, что на самом деле смерти маминой она радовалась. Как ни силилась горевать – никак не выходило, и мечты всякие в голову полезли про принцев с конями, непристойные даже. На работу пошла в поликлинику, и мечты сбываться начали, чуть было замуж не вышла за одного пациента, которого часто колоть

нужно было. Он приглашал и в кино, и по театрам, и гулять, а замуж позвать не успел – нарисовался в жизни Ньюши теперь Фрол Иванович. Когда-то, в советскую бытность, был он номенклатурным работником, зажиточным и влиятельным, и, когда мама заболела, очень помогал лекарствами и деньгами, а потом его на чём-то поймали, посадили, всё что могли конфисковали, а всё что сберёг – отдал за уменьшение срока. Но и за короткие три отбытых года умудрился подхватить туберкулёз и стать ненужным собственным женатым благополучным сыновьям со своей болячкой и крохотной пенсией. И оказался в итоге у доброй Ньюши, в её маленькой квартирке под Солнечногорском, в старой совхозной хрущёвке, с мышами, тараканами, своим котом и Ньюшиной кошкой. Больной, нищий и убогий.

Старшая сестра странной была с детства, словно имела какой-то дополнительный орган, которого у других нет, полный любви к людям любим, драным кошкам и собачкам без ноги. Хоть и росла она вместе с другими в мире чистогана, фондовых индексов и прочей наживы, словно мимо неё они прошли, не коснувшись. Неправильная получилась Ньюша для современного мира, хоть не воцерковленная, а какая-то по-настоящему добрая, что для выживания в современных условиях категорически противопоказано.

Кошек Ньюша очень любила, закармила и забаловала обычных помоечных котов так, как сфинксов не балуют – кто-то ведь должен быть тут счастливым! Они были счаст-

ливы, но по привычке всё равно рылись в мусорных кучах и драли не когтеточки, а старую мебель. Когда Катька сказала глупость про кошек, "выгони", старшая очень разозлилась и даже представила, как толкнула бы сейчас Катьку за такие слова – это был апогей возможного Ньюшиного негатива.

И вдруг...

Ножка кресла с хрустом подломилась. Катя упала очень некрасиво, придавила модельную ногу креслом, закричала. Борис, младший сын Фрола Ивановича, давно безответно влюблённой в кузину Екатерину, отвергающую инцест категорически, кинулся её поднимать, подхватил на руки, уложил на диван, который заботливо освободили для больной госте. Красота щиколоток с косточками была безвозвратно на этот вечер испорчена содранной в кровь пяткой.

"Дёрнул же чёрт подумать такое. Типун мне на язык или на всю голову!" – сокрушалась Ньюша, пока бежала на кухню за аптечкой.

– Зелёнка? Ньюша, ты мне ногу ЗЕЛЁНКОЙ намазала? Ничего лучше придумать не могла? Бесцветного ничего не нашлось в доме, из 21 века чего-нибудь? – негодовала Катерина, увидев насыщенного изумрудного цвета пятку, которую, к тому же, жутко защипало.

– Лучше зелёнки ничего не придумали пока в веках, – уверила Ньюша.

– Зачем, зачем, зачем! Назло ведь делаешь? Что, мне мало? Разукрасила ещё этой зелёной дрянью, неделю потом не

смоется. Мне в Тай возвращаться. Как я там на пляже с зелёной пяткой буду рассекать? Влад со мной близко ходить не будет! – причитала Катька, пока Ньюша бинтовала ей ступню, а Вера заботливо гладила по голове.

Гости поспешно покинули комнату под предлогами пудренирования носов, перекуров и постановки чайника. Тётя Алла заботливо укатила Фрола Ивановича в кресле и наушники ещё ему надела с любимым Аркадием Северным. Итальянский муж Веры всё понял без перевода. Они с Борисом как раз тренировали русский язык в обмен на итальянский, увлеклись, и по сути им уже никто не был нужен. Они удалились на лестничную площадку, практиковать. Все благоразумно оставили сестёр ругаться без свидетелей – год девчонки не виделись, соскучились, пусть общаются.

– Не будет близко, так пошли его, если он такой идиот, чтобы из-за такой мелочи париться, – посоветовала сестре средняя, Вера. – Зелёная пятка ему не подходит! А что будет, когда постареешь? Выбросит на помойку?

– Для этого придумали пластическую хирургию. Я не постарею, – твёрдо уверила Катя, хотя сама в это совсем не верила.

Старшие сёстры переглянулись и покачали головами.

– Вот, послушай старших – не придумали. Когда любит, так с любой пяткой любит, и с морщинами, и даже с животиком. Вадим подлец редкостный, и твои крики сейчас тому подтверждение. Да и отмокнет зелёнка за пару часов в солё-

ном море-океане.

– Ага, слушай вас. Одна в Италии коровам хвосты крутит, детям носы вытирает и даже отдыхать ездит только раз в год. Другая в дыре этой застряла зачем-то, а я хоть успешная и счастливая.

– То-то и видно. Кислота из тебя, успешной, так и брызжет, как бы стены не разъела! – обиделась Вера. – Я тебя сколько зову в гости? Приезжай, посмотри, как современная ферма там, в Италии, устроена, чтобы хвосты тебе не мерещились.

– Катюш, ты правда последние годы злющая такая, хуже, чем в детстве была. Может быть, гормоны и щитовидку проверить? – предложила Нюша, зубами разорвав бинт, чтобы зафиксировать узелком.

– Вот я не пойму, мне это точно говорит женщина, которая зелёнку с бинтом за панацею держит? Может, ещё и корпию щиплешь по ночам? На себя посмотри – располнела, как будто тебе все сорок! И это ты сама с собой делаешь, никто тебя ж не заставляет! Могла бы работать. Фролу Ивановичу сиделка ведь не нужна постоянная, он всё может сам, не как мама! Даже ходит понемногу. За что я тебе только деньги перевожу?

– Я пробовала. У него вроде как навык самообслуживания сохрaнён, но таблетки забывает пить. Есть забывает тоже. Будет сидеть плакать, что встать не может, а окажется, что ослабел, потому что не ел. А деньги ты не переводи, я

справлюсь, правда. Я подрабатываю, работы, правда, много.

– Ну так оплати сиделку ему.

– Чужие руки добрыми не будут. Мы лучше так. А ты кончай злобствовать, а то мы терпим-терпим, а и обидеться можем. Если у тебя мужик козёл, это не повод всем портить праздник, – терпеливо убеждала Нюша, ни слова не говоря о том, что за всё время ни разу не видела пенсии Фрола Ивановича, сама зарабатывает и на него, болезного, и на себя.

Они бы, наверное, до утра ругались, если бы Борис не пришёл Нюше её телефон, поющий: "Who Wants to Live Forever" с взволнованным мужским голосом в динамике:

– Анна Андреевна, помощи. Скрутило бабушку нашу опять, – просил мужчина. – Уколи, пожалуйста, пожалей старушку.

– Скажи ему, что у нас праздник, тебе некогда! – сказала громко Катя. – Мы к тебе раз в год приезжаем!

– А вы почаще приезжайте, – улыбнулась Нюша и вышла говорить в коридор.

– Опять Семёновна? – спросил Фрол Иванович, когда Анна Андреевна вернулась к гостям, которые к тому времени снова стянулись к столу, к салатам и жидкостям, тут же осёкся и стал бормотать что-то невнятное.

С момента ареста Фрол Иванович понял, что самая лучшая, самая безопасная и выгодная роль в жизни – играть полоумного старика. Никому из медработников ты не интере-

сен по старости, называют они это деменцией, и за неё всё тебе прощается. А обычные люди начинают сюсюкать с тобой как с малым дитём, по пять раз объяснять и всячески выражать уважение. Детям, наверное, такое идиотическое обращение терпеть сложно, а вот старикам вполне – старикам скучно, готовы играть и играть. Получалось, что постареть и сойти с ума в обществе что-то, чего достигают самые уважаемые люди, и Фрол Иванович с удовольствием вступил в их ряды. Несмотря на то, что реального помутнения сознания было у старика случаев по пальцам перечесть, он с гордостью играл в жизни привычную роль взбалмошного старикана, и сам уже порой терялся, где правда, где вымысел. Нюша знала его хорошо, инвалидное кресло держала для приёма дорогих гостей и позволяла чудить и с врачами, и с гостями так, как ему заблагорассудится – пожил человек, имеет право на любую дурь.

– Ага. Подняла опять тяжёлое. Побегу, я мигом.

– Я вообще-то ногу повредила у тебя дома. Не смей меня бросать из-за какой-то бабульки! – кричала Катя. Нюша быстро скрылась за дверью, даже не дослушав.

– Что ж ты, девка, от года к году всё несчастнее и несчастнее? – спросил Катю Фрол Иванович, когда дверь захлопнулась. – Вот я тебя помню совсем дитём ещё, и всегда тебе мало было. Куклу купят тебе лучшую – причёска не нравится, ревёшь. Велосипед – синий, мальчишечий, ревёшь. Пла-

ть как у принцессы – рюшей не хватило для счастья. Думал, в бабах успокоишься, а ты ещё хуже стала. Злее. Мне кажется иногда, свернёшься в кресле своём клубком, зашипишь и змеей обернёшься.

– У меня стандарты просто высокие, дядя Фрол, не то что у некоторых.

– Это ты про Ньюшу, что ль?

Дверной звонок издал звук, похожий на свисток, и, прервав их, в квартиру ввалились Борис с итальянским мужем Вероники, и следом ещё какой-то приличного вида мужик в дорогуших джинсах.

– Это Сергей, – гордо провозгласил итальянец. – Он ищет Ньюша.

– Bravo! – воскликнула Вера мужу, захлопав в ладоши, и добавила Борису, с той же милой улыбкой на лице: – И нафига ты, Боря, его учишь? Ты хоть представляешь себе, как это классно, когда твоя вторая половинка языка не понимает? Не порть мне мужа!

– Да, да, спасибо, – поддакнул итальянский муж, уверенный, что супруга благодарит за его успехи.

– Да ладно тебе! Он сказал, что на курсы пойдёт языковые, – объяснялся Борис.

– Обещать не значит жениться – он на них четыре года идёт уже, и пусть. Пока я его не подгоню, никуда он у меня не пойдёт, мой самый настоящий итальянский муж.

Она искренне поцеловала мужа в щёку. Он был доволен,

светился и называл предметы на столе по-русски, развлекая собравшихся.

Вероника принялась хозяйничать, усадила Сергея за стол, обложила салатами из мисок, обеспечила стаканом вишнёвого компота, жирным беляшом и жульеном. Тем временем Катерина, расценив внешний вид нового гостя на десятки тысяч, из умирающего лебедя быстро превратилась в грациозную лебёдушку, вспорхнула с драного дивана, встала у окна, увидела внизу свежеприпаркованный порше и принялась допытываться:

– Сергей, а вы тоже к Нюше за уколом?

– К Нюше? Не знаю. Я к Анне.

– Ну тогда придётся подождать. Медсестра сегодня нарасхват. После праздников у местной знати, видимо, тяжело на душе и желудке. А вы сами откуда?

– Я из нижнего посёлка, на берегу который. Так и называется – Бережки.

– Смотрите-ка, мы с вами в этом прямо близки. Я тоже только что из бережков, тех, что в Таиланде у самого моря.

– Да что вы говорите! Значит, вы самая младшая сестра, Екатерина.

– Интересное дело, откуда вы меня знаете?

– Вы очень с ней не похожи. Аня рассказывала, что они с младшей сестрой не похожи, как небо и земля, вот я и догадался.

– Спасибо за комплимент! Я, надеюсь, небо! – жеманни-

чала Катерина.

– Сука ты, а не небо! – рывкнул дядя Фрол. – Нюшка тебе жизнь свою под ноги, как коврик, постелила, а ты, как она за порог, грязь на неё лить.

Да. Кричать и рычать Фрол Иванович умел отменно, ещё советская школа корпоративного крика. Такому нынешним руководителям учиться и учиться! Возьмётся с мотивацией всякой, а раньше как хорошо – гаркнул руководитель, стёкла задрожали, все по углам и всё ясно, что, кому, когда делать. И слова поперёк никто не скажет! Вот это было управление – коротко и по делу. Но такое управление никогда не подходило Катерине. Они приняла бой:

– Да уж кто бы говорил! Благодетель! А то, что вы её купили, Анечку нашу? Вот уж кто её как коврик под ноги постелил, так это вы! – сорвалась в ответ Катя.

– Зачем вы при чужих-то? – Вера попыталась их остановить со слезами на глазах, хоть муж её итальянец снова не понимал ни слова. – Давайте сор из избы не носить!

– Отчего же не носить? Вы хоть знаете, кто этот Сергей-то? Нет? А я вот знаю! – гордо объявил Фрол Иванович. – Скажешь им, Сергей?

– А почему ж нет? Я – отец ребёнка Анны, и пришёл познакомиться с семьёй.

– У Анюты есть ребёнок? – искренне обрадовалась Вера.

– Будет. Уже пять месяцев, – спокойно ответил Сергей. – Она вам не сказала?

– Сюрприз, наверное, хотела сделать, – горько усмехнулась Катя.

– Мальчик или девочка? – радовалась Вера, но ответа не услышала, потому что Катерина вспылила и перебила:

– Да какая разница кто, мальчик, девочка? Вы её, выходит, обрюхатили, Сергей? А с виду такой приличный мужчина!

– Да, вы, и правда, совсем не похожи. Совсем. Мы с Аней много лет знакомы, теперь распишемся, и у нас будет сын. Я хотел познакомиться с семьёй, знал, что все соберётесь девятого января, как каждый год, в день рождения мамы, вот и пришёл. Сестёр я уже понял, – он кивнул Вере и Катерине, – итальянцев тоже. С Фролом Ивановичем мы немножко знакомы, а вот...

Он обернулся к тётке Алле и дяде Степану, которые прижались друг к другу на диване, как попугаи-неразлучники.

– Мы из Москвы. Я их тётя, Алла, и муж мой. Я сестра их мамы. Как же я рада за Анечку, вы не представляете! Такая у нас чудесная девочка! Так она в жизни настрадалась, всю краску, которая на чёрные полосы в жизни выделена была, израсходовала с избытком. Дальше только белые!

– Да, согласен с вами, очень приятно познакомиться.

– Серёга, а ты знаешь вообще, кто такая Аня-то твоя? – вмешался в знакомство Фрол, который весь покраснел и сильно забеспокоился после заявления Сергея о намерении жениться.

– Хороший человек Аня моя, и этого достаточно, – заве-

рил Сергей, надеясь остановить угрозу, которая так явно звучала в тоне Фрола Ивановича.

– Уверен? А теперь смотри. Вот три сестры, и все не похожи, а хочешь скажу, почему? Устроим десять негрятят? – предложил Фрол Иванович.

Две сестры промолчали, прочие оживились, а Серёга кивнул:

– Так я сюда и пришёл, чтобы знакомиться.

– Тогда открываю вечер знакомств! Они не родные все, удочерённые. Маме, Марии Владимировне, как заслуженному врачу, их выдавали чуть не в нагрузку, и она брала с удовольствием. Сначала Аню, потом Верочку и потом уже Катю, совсем крошкой новорождённой.

Театральная пауза, повисшая в воздухе, разрушилась воплем Катерины:

– Какой же вы, выходит, гад, Фрол Иванович! Просто сволочь редкостная! Зачем вы это при чужих людях говорите? Вы уж тогда всё рассказывайте, и про себя тоже!

– А что про меня?

– Про бумагу, которую вам заслуженный врач, Мария Владимировна, наша мама, написала. А? Или мне рассказать?

Участники спонтанного интерактивного спектакля затаились, чтобы не спугнуть интригу. То, что они услышали, было шоком для всех, но было истинной правдой, которую несложно было разглядеть в зеркале – сёстры не походили ни на мать, ни друг на друга. Чем ещё всех можно было уди-

вить?

– А зачем говорить, ежели я её показать могу?

Фрол Иванович выбрался из кресла-каталки, и пока тяжёлой поступью шёл до шкатулки, деревянные половицы пели ему скрипучую песню в полной тишине. Он достал сложенный вчетверо пожелтевший листок, на котором ровным почерком, какой бывает у учителей по русскому языку или у тех, кто очень старается, было написано:

"Расписка.

Я, Лапина Мария Владимировна, и Андронов Фрол Иванович договорились о нижеследующем:

В связи с моей неизлечимой болезнью Андронов Фрол Иванович до конца моих дней, которые сочтены, обеспечивает меня лучшими дорогостоящими лекарственными и обезболивающими препаратами и финансовой поддержкой. Взамен моя старшая дочь, Лапина Анна Андреевна, обязуется обеспечить уход и поддержку Фролу Ивановичу по старости или по болезни собственными силами в полном объёме".

Он как раз дочитывал содержимое документа, когда ключ в двери провернулся и вошла Нюша, затопала в прихожей, стряхивая рыхлый свежий снег с сапог.

– Мой сероглазый король, ну зачем? – выдохнула она, увидев Сергея за столом.

– Ничего. Ты присядь, не стой, тебе тяжело уже.

Аня покраснела, застыдилась и села на край дивана. Никто не ел, не пил, все глаза были устремлены на неё.

– Вы на меня смотрите, как на чудо чудное. Я, может, сделала что-то не так?

– Да у нас тут ночь откровений! – прокомментировала немую сцену Катя. – Ты знала вообще, что мы все неродные? Что мы детдомовские все, приёмные?

– Ну, допустим, ты-то нет, тебя мы с мамой прямо из роддома забрали, ты отказная и в детдом даже не попала. Мама меня взяла в шесть лет, Веру я попросила забрать, её там обижали, ей почти три было, а тебя случайно взяли. Мама ездила на ревизию в роддом, а там как раз отказались от слабенькой недоношенной девочки, думали, умрёт. Мама тебя забрала и сказала, что не поедет ни роддома, ни детдома инспектировать, потому что не потянет больше детей одна.

– Так ты знала, что дядя Фрол тебе никто? А про бумагу знала? Что тебя "продали" Фролу? – спросил Сергей.

– Конечно, знала, я её ещё и подписала, эту бумагу.

– Ты понимаешь, что никакой юридической силы нет у этого документа? Я тебе это как юрист говорю!

– Понимаю, Серёженька, ещё как по-ни-ма-ю. Главное, чтобы человеческая сила была у нас, а без юридической прожить можно. Он ведь маму-то нашу пять лет тащил, в лепёшку расшибался, всё самое современное ей искал – врачей, лекарства. И вообще не дядя он нам, и маме не брат никакой. У них любовь была большущая. Он ей хотел замки дарить, у него были и замки, и деньги, а она отказывалась, говорила, что от дурных денег прока не будет. Вот и не стало прока.

Она потом много сокрушалась, что её Бог наказал за то, что они с ним вместе счастливы были при живой его жене.

– Я Машеньку любил очень. Ничего у меня в жизни лучше не было, чем тот маленький кусочек счастья с ней, – сказал старик, прослезился и, повернувшись к сыну, добавил: – Борька, ты уши заткни, не слушай. Нюша вся в неё пошла, такая ж дурёха добрая, и из всего, что я в жизни сделал, только один поступок был по-настоящему мудрый – то, что мы тогда эту бумагу подписали. Да, Катенька, и ты, деточка, когда-нибудь узнаешь, что искать в этом мире стоит только людей настоящих, ничего их ценней нет на этой земле. Я, когда увидел, как Машенька моя, умная, красивая, сильная, сама врач, а сгорела за несколько лет, и никакая медицина помочь не смогла, всё у меня перевернулось. И замки, и берега морские – всё глупости. Не на этих китах земля наша держится, а на таких вот Нюшках. Вот такая Санта-Барбара, ребяташки мои.

– И ты всё время знала? – спросила с ужасом Вера у Нюши.

– Нет, не всё время. Мама, когда поняла, что разум уходит, рассказала мне.

– А нам почему не сказала? – не понималась средняя.

– Да Верунчик, надо ли вообще о таких глупостях думать? Вот мы каждый год все здесь собираемся. Вы из своей евроитали, Катька из какой-нибудь экзотической страны всегда одна, тётя Алла с дядей Сёмой из крутой трёшки на Бело-

русской, Борис... Ну он понятно – хоть из космоса до Катьки прилетит. И ведь ни лобстеров у меня, ни устриц, ни мебели, ни ремонта. Коты, тараканы да мы с Фролом Ивановичем. Едим мои салаты на маминой любимой цветастой скатерти, запиваем вашими "просеками" невкусными и ни в паспорта, ни в родословную друг другу не лезем. Потому что для радости это не нужно никому. Рады встрече – радуемся. Рады, что мама так нас растила, что вы и не догадались, кто откуда. Рады зиме, снегу, ёлкам. Разве нужно ещё что-то? – Нюша немного помолчала, поняла, что для полуночи после "многовыпито" загнула лишку в своей философской тираде, и добавила: – Ну раз уж сегодня такая ночь, хотите ещё откровение? Я на самом деле на кресле ручку просто поменяла. Вот, Катюш, твоё кресло, хорошее, целое, в нём никто не сидит обычно. Так что можешь садиться удобно.

– Наконец-то! Как была ты всегда главной, Нюшка, так и останешься! – сказала Катя, лихо подвинула лучшее кресло поближе к сестре, силой пересадила её в него, сдёрнула с дивана плед, укрыла сестре ноги и разрыдалась, уткнувшись ей в колени.

– Пойдёмте-ка на улицу, как будто Новый год. Я вам ёлку нашу покажу, которую мы посадили, когда Анечку взяли. Её теперь и не нарядить, такая она здоровенная вымахала, – сказала тётя Алла, и все пошли за ней, нагрузив шампанским коляску Фрола Ивановича, которую он освободил, а девчонки оставили ещё побыть друг с другом.

– Ну как тебе семья? – поинтересовался у Сергея Фрол Иванович, пока тот помогал ему спуститься вниз. – Подойдёт? Из приданого-то за ней только эта хатка с таракашками.

Старик врал, проверял, на самом деле накопил и сохранил приличную сумму, и дом здесь в посёлке сдавал – всё, чтобы Аняте сделать потом жизнь как в сказке, только ей не говорил.

– Думали, напугаете, сбегу? – посмотрел ему прямо в глаза Сергей жёстким колючим взглядом. – Я тоже думал, заберу её у вас, а выходит, надо как-то вместе. Вросла она в вас всех, не вырвать, или, если вырвать, то с корнем, а это больно. И самое главное – её ведь на всех хватит. У неё душа такая, в которую полмира запихнуть можно, и поместятся. Видали вы ценнее приданое сейчас?

– Да ты не переживай, я-то справлюсь. Мне она бы раз-два в неделю приходила, и то хорошо будет. Я пожил, путь девка поживёт.

– Организуем! – обещал Сергей, и, получив снежком акурат промеж лопаток, побежал по сугробам обстреливать итальянского мужа, абсолютно счастливого от обилия зимы.

Божественный нетвокинг

– ...и вам очень повезло. – Папа объявил внеочередной юбилейный год, или иначе святой год. Такое выпадает раз в четверть века, но иногда Папа может объявить внеочередной святой год, и это как раз сейчас случилось, к вашему приезду. Поэтому весь Рим перекопан, и, как обычно у итальянцев бывает – к сезону они ничего не успевают отремонтировать. Но хоть Святые Врата открыты, а значит, можно пройти в них и получить индульгенцию для себя или умерших, избавиться от накопленных епитимий и возродиться духовно.

Удивительно, как голос живого человека во плоти может превратиться со временем в звуки аудиогида – монотонный бездушный скрип информации, без интонаций, без эмоций. Интересно, если отправить гида в эти самые Holly Gates, починится человек, оживёт ли?

– Справа от нас можно видеть собор Святого Петра. Эта базилика – самый центр Ватикана, его сердце, и сегодня у нас запланирована туда экскурсия, на которую мы не пойдём, – продолжает свое металлизированное дребезжание гид.

– Как это не пойдём? Я за это деньги заплатила, когда тур покупала! – возмущается тучная дама в зелёном.

– Сегодня на площади Папа решил приветствовать людей, и собор закрыли, так что если хотите предъявить претензии – предъявите их Папе Римскому. Можете сделать это сразу по окончании экскурсии. Видите толпу на площади? Это те, кто пришел быть благословлённым 226-м Папой Римским Франциском. Для начала выскажите им претензию о срыве вашей экскурсионной программы, а потом пробирайтесь к самому Папе. Он, кстати, очень хороший, даже считает, что лучше пусть женщина родит незаконнорождённого внебрачного ребенка, чем сделает аборт, но при этом говорят, когда-то он работал вышибалой в ночном клубе в Аргентине, так что выбирайте выражения в беседе с ним. А слева от собора мы видим крышу той самой Сикстинской капеллы, над которой водружают трубу, выбирая Папу, чтобы пускать из неё чёрный или белый дым, – не меняя интонации, монотонно вещает гид. – На этом наша экскурсия на сегодня закончена.

– А Врата Святые внутри собора? – не унимается дама в зелёном.

– Нет, они пятые справа, для посещения Святых Врат потребуется отдельный билетик, и в этом году святые врата не одни и не только в Ватикане. Их много открыто и в Риме, и в Италии и по всему миру, так что не беспокойтесь – индულгенцию получить успеете, – гид отвечает уже спиной, стараясь поскорее ретироваться с поля боя от неприятных вопросов.

– Женщина, какие Святые Врата, вы о чём думаете? У православных Пасха завтра, а вы в католические врата собрались, за индульгенцией! – возмутился мужчина с бородой, явно знающий толк в религиозных канонах.

– Так я и хотела поэтому сегодня в них попасть. Завтра как-то неудобно, на Пасху-то... – извиняется женщина.

– Мужчина, что вы пристали! Сидели бы в России, постились и яйца красили. Сами тут прощутто вином запиваете, а других попрекаете воротами. Они вас заждались уже, за отпущением. Не судите, да не судимы будете! – вступилась за подругу в зелёном дама в фиолетовом.

Рядом с бородатым мужчиной супруга, по виду учительница – скромница с длинными тяжёлыми естественного цвета волосами, собранными в низкий хвост и с ненакрашенными губами. Такая ни за что не будет ругаться. Взяла мужа за руку, сжала. Дама в зелёном вкупе с дамой в фиолетовом встали в боевую стойку плечом к плечу, готовые дать отпор бородачу, и его скромнице-жене, и гиду, и, похоже, самому Папе Римскому Франциску, если потребуется. Четыре разноцветных холма размера пять плюс вздымаются не в такт, создавая эффект поршней в двигателе внутреннего сгорания. Только бы вразнос не пошли!

Знающий мужчина сражён ветчиной наповал. Подглядели, любопытные бабы, застукали его на глубине грехопадения до чревоугодия в страстную неделю, и теперь бросать в них камни не получится никак.

– А аутлет здесь есть где-нибудь поблизости? Раз уж мы в собор не идём, так хоть купим что-нибудь пока, – неосторожно поинтересовался молодой горячий молодожён.

Мужчина с бородой плюнул от досады и отошёл в сторону, смотреть на толпу у собора Святого Петра. Жена улыбнулась кому-то невидимому и последовала за ним. Все уже готовы были разойтись по своим делам, и вдруг:

– Правильно! Что время зря тратить? Вот мы когда в Непал ездили на медитацию, там было прямо в туре время предусмотрено на покупки. А тут такая программа, что ничего купить не успеешь, только сувениры по дороге, если хватать не глядя, – высоким хорошо поставленным голосом прокомментировала идею шопинга дама в шляпе и тёмных очках в форме бабочки, – гонят нас, гонят по музеям, по экскурсиям. Завтра сходим во врата, когда очередь поменьше будет.

– Минуточку, минуточку... – не удержался и вернулся в гущу событий мужчина с бородой, – медитация в Непале, говорите? А можно поподробнее об этом?

– Кстати, очень правильная была программа в Непале. Мы десять дней прожили в монастыре, учились медитировать, а потом два дня шопинга, и успели закупить всего. Хотите дам вам контакты туроператора? – ответила бесхитростная женщина в шляпе, явно не умеющая читать по лицам. Если бы в Непале её хоть немного научили видеть других людей, от

неё бы не ускользнуло ехидное колючее выражение маленьких тёмных глаз, сверкающих над бородой.

– Простите за любопытство, – продолжил распалённый правдоискатель, – вы в какую веру крещены?

– В обычной нашей церкви меня бабушка крестила, а что?

– Нет, ничего... Я просто никак в толк не возьму для себя... Как это – вы в Ватикане индульгенцию просите у католиков, в Непале медитируете с буддистами, а в России на Пасху наверняка яйца красите?

– Ну да, а что такого?

Они оказались в центре группы, которая вся собралась обратно, будто магнитом притянутая, и обступила их, ожидая, чем же дело закончится. Словно ни Микеланджело, ни Рафаэль с Леонардо не создали в Риме ничего занимательнее этой перепалки. У многих в глазах было мнение, своё собственное, но все о нём молчали и с интересом наблюдали за развитием событий. Вопрос отношений с вратами, которые, по словам гида, "специально для нас открыли", терзал многих. Идти или не идти православным в Святые Врата в принципе и на Пасху в частности? Только молодожёны, далёкие от поисков иной правды кроме своей влюблённости, догнали убегающего под шумок гида и изводили её вопросами про ближайший аутлет. Остальные, все до единого, выстроились в почётном карауле вокруг своей веры в чужих устах.

Дамы, зелёная с фиолетовой, по-прежнему пылали и рады были бы вклиниться в разговор, но никак не могли найти

что-то, к чему ещё кроме ветчины можно прицепиться для качественной ругани. Споры на интеллектуальные темы явно не были их коньком, и они безмолвно договорились хранить молчание, оставив за собой сильную точку мясного аргумента. Жена стояла чуть поодаль, опустив глаза, и терпеливо ждала завершения, каким бы оно ни было, готовая в любой момент исполнить свой долг. Была в ней такая жертвенность, что сразу становилось понятно – если мужа начнут бить, она непременно закроет его собой, так что никто не дотянется, и ни один волос не упадет ни с его головы, ни из его бороды. Он смотрел на неё иногда украдкой, сила его крепла, и он продолжал, уверенный в её поддержке всегда и во всём:

– А сами вы в какого Бога верите?

– Как в какого? В единственного, – искренне недоумевала женщина в шляпе, отвечая тихо и настолько миролюбиво, что даже с мягкой улыбкой.

– Так в Будду, или Христа, или, может быть, в Аллаха? Ваш Бог кто? – не в тон ей громко, с укором напирал бородач.

– Тот, кто меня услышит. В Туле, в Риме, в Катманду или в Мекке – неважно. Важно только, чтобы слышали, он меня, а я его. Неужели у вас нет такого своего Бога? Который не будет ни за, ни против ворот, медитации, плясок у костра или вкусной еды. Не того, который по чужим правилам, а того, который ваш, настоящий?

Она спросила слишком наивно, откровенно, бородач не успел закрыться от такой честности. Вопрос ударил в место, где нет защиты, брони от самого себя, пробил под рёбра так, что он осёкся, обмяк, и гнев в его глазах сменился на поиски убежища для подранка. Он сразу стал на полметра ниже ростом и выглядел очень обескураженно. Как можно было ожидать, что такая маленькая, неприметная, в очках, вместо того чтобы оправдываться, задаст вот такой вопрос здесь, на площади Святого Петра в Ватикане? И зачем эти люди стоят вокруг и слушают так, что тишина повисла, что им всем до его Бога? Жена не может от этого укрыть. Уж лучше бы били, тогда всё стало бы понятно – за веру даже хорошо быть битым.

Зелёная с фиолетовой уже набрали побольше воздуха в лёгкие, готовые к его ответу. Это ловушка, он сам попался на свою слабость, как на крючок, и за неё сейчас жестоко наказан. Вчерашний сытный ужин стоял у него поперёк горла, мешая говорить, но не только в нём было дело.

– Я не буду вам отвечать, и в чужие Святые Врата не пойду. Я знаю точно, в какого Бога верую! У вас всё слишком просто, а нужно выбрать религию, веками выстраданную, и держаться за неё, иначе...

Но его уже не слушали, презрительно загудели, зашевелились, потеряв к нему интерес, и скоро группа растворилась в Риме. Дама в шляпе лишь пожалала плечами, не получив откровенности в ответ на свою, и тоже ушла. Они оста-

лись вдвоём среди чужих людей, пришедших сюда именно к Папе, а не по случайности. Жена не сделала ни шагу к нему навстречу, так и стояла на булыжной мостовой, как вкопанная. Он подошёл к ней сам, молча взял её за руку.

– Всё будет хорошо, дорогой, – постаралась утешить она.

– Божественный нетвокинг – вот их религия. Они заигрывают с любым богом, до которого смогут дотянуться. Именно заигрывают, без служения, без покаяния, и я, похоже, одним злосчастным куском мяса отправил полсотни православных христиан пройти сквозь Святые Врата. Хреновый из меня сегодня вышел проповедник, дорогая.

– Всё будет хорошо, – словно мантру повторяла жена, – всё будет хорошо.

Ему это не понравилось, как и тот вопрос, и он предпочёл замолчать и злиться, чтобы заглушить всё лишнее, что стало вторгаться в его открытую рану извне, как раз когда Папа Римский благословлял всех, кому повезло оказаться в тот момент на площади Святого Петра.

Рим 2016.

Индульгенция – в католической церкви полное или частичное прощение грехов.

Епитимья – исполнение христианином, по назначению священника, тех или иных дел благочестия; имеет значение нравственно-исправительной меры.

Прощутто – итальянская ветчина, сделанная из окорока, натёртая солью.

Аутлеты – магазины, в которых со скидками продаются одежда, обувь и аксессуары известных марок.

Спорящий со смертью

Как не вовремя, под Новый год, тесть умудрился загреметь в больницу! Диагнозов у старика оказалось больше чем ожидали, даже домой не пустили, оставили под капельницами, но третьего января велено было забрать домой с дополнением: "Сами не справитесь, теперь он лежачий, понадобится сиделка". Тёща истерила, жена работала в поте лица, и почётная обязанность искать сиделку для здоровенного старика с дурным характером, подпорченным болезнью, легла на Вадима. Сиделки оказались обычными людьми, и на Новый год разъехались по домам, чокаться шампанским с близкими. Деньги деньгами, а звон бокалов не перекупят. В патронажных службах обещали, что дальше будет хуже – после праздников аншлаг обострений из-за "немножко салатика и одна рюмочка не повредят", сиделку будет вообще не найти. "У нас уже полная оплата всех, кто остался, в двойном размере, и дальше никаких перспектив", – лениво отвечали девушки в кол-центрах, словно богини, раздающие патронажное счастье лишь избранным. Вадим вздохнул, смирился и вместо приятного времяпровождения с друзьями в проводах старого года, взял день отпуска, чтобы побеседовать троих всего, предложенных разными агентствами, кандидатов. Предновогодний дефицит – каждый на вес золота. Первая дама приехала с опозданием на час. Была она груз-

ная, хамоватая, под ногтями носила грязь и пахла чесноком. Можно было бы с порога попрощаться, не будь она одна из трёх. Придётся говорить. Вадим включил диктофон и начал.

– Ольга Андреевна, у вас есть медицинские навыки? – читал Вадим по шпаргалке, записанной женой.

– Есть. Я санитаркой отработала двадцать лет. В морге работала, так что смерти не боюсь. У вас умирает человек или жить будет?

– Да как получится. Надеемся, что будет, – опешил Вадим.

– А весит больше ста?

– Когда везли туда, больше, сейчас не знаю.

– Ну тогда я работаю по тарифу в полтора больше. Говорить с ним надо будет?

– Конечно. А как же с человеком не говорить?

– Знаете, слушать их бесконечные рассказы про одно и то же не большая радость.

– Ну у нас там тёща есть, она будет слушать. Ей помогать просто надо, – оправдывался Вадим.

– Ой. Плохо как. Не люблю, когда под ногами кто-то крутится и указывает, что делать. У вас, может, квартира есть отдельная, где я с ним могу одна быть?

– Нет у нас такой квартиры. Вы идите, мы позвоним.

Тесть был хорошим человеком, вместе против жены и тёщи бились когда-то за свободу рыбалки и мужского клуба. Вадим, глядя на сиделку с опытом работы в морге, подумал, что и сам готов ходить за стариком, только бы не отдать его

такой чесночной ведьме. На распечатанном резюме нарисовал жирный минус рядом с фотографией.

Вторая, судя по фото, должна быть милее. Она не опоздала, пришла даже чуть раньше и выглядела очень интеллигентно. Аккуратная, чистенькая, с гладкой причёской, она скорее была похожа на учительницу, чем на санитарку.

"Yes, – мысленно восторжествовал Вадим, – это наша девочка, можно закрывать лавочку!"

– Здравствуйте, Антонина Николаевна, очень приятно. Какой у вас опыт работы сиделкой?

И полился рассказ про больного парализованного мужа, за которым ходила три года, пока не ушёл в мир иной. Ради него выучилась на медсестру, умеет и уколы, и внутривенные, и массаж, и гимнастику. Потом стала подрабатывать сиделкой и уже лет десять как работает. Вадим ликовал больше и больше с каждым её словом.

– А расскажите поподробнее про ваших пациентов, – прочёл Вадим из шпаргалки, уже больше для порядка, чтобы жена потом не ругалась.

Для себя он уже принял решение и нарисовал рядом с фотографией на резюме жирный плюс. Однако поторопился, и после того как услышал, что уважаемая Антонина Николаевна становилась женой каждого пациента, который прошёл через её ласковые руки, представил, что этот плюс увидит тёща, и быстренько превратил его в решётку для игры в кре-

стики-нолики.

Попрощался он вежливо, обещал дать ответ непременно сегодня и подумал, что если третий будет "никакущий", то на месяцок, пока найдётся нормальная сиделка, из десятка хотя бы кандидатов, можно будет её задействовать под особым присмотром тёщи.

Третий, шестидесятилетний старик, позвонил и перенёс встречу. Сказал, что по делам нужно заехать и сразу к нам. Голос его поскрипывал в трубке. Интуиция Вадима сказала: "Сомневаюсь". Цейтнот ответил: "Смотри и не выёживайся".

Старик был одет в потёртую кожаную дублёнку, валяные боты в резине и шапку с помпоном. С собой у него был целлофановый пакет-майка с батоном хлеба, сардельками и какими-то лекарственными пузырьками. Белая как снег борода и волосы чуть завивались и, в комплекте с большим животом, обтянутым свитером с оленями, делали его похожим на сказочного Деда Мороза.

– Ой, у меня тут пихта разбилась. Пахнет. Где у вас мусорка, надо выбросить, – начал он хозяйничать прямо с порога.

От того, что разбитый пузырёк выбросили, запаха не убавилось. Квартира пахла теперь как сауна и дополняла новогодний ёлочный антураж. Дед достал из внутреннего кармана куртки одноразовые, не раз ношенные, безразмерные гостиничные тапки. Бросил куртку на пуф в прихожей, сверху шапку.

– А болезный-то где будет? Тут?

– Нет, в квартире у тёщи, на Тургеневской. Там у них три комнаты, так что всем места хватит.

– Центр, всё дорого. Понятно. Тёща в комплекте прилагается? – хитро прищурился он, подмигнув.

– Прилагается.

– Как хорошо. Борщ варит? – улыбнулся дед, показав нехватку нескольких передних зубов.

– Варит ещё как, – улыбнулся Вадим.

Вообще-то пора было уже перехватывать инициативу, а то непонятно, кто кого собеседует.

– Давайте приступим.

– Да, да. Приступим не преступая, так ведь?

Вадим не сразу понял, а когда дошло, оценил – тестю бы понравилось. Он очень любил такие штуки. У них раньше игра слов в чести была, кроссворды и прочее. И хоть сейчас он говорит плохо, требует, чтобы подчинённые ему медработники отчитывались перед ним в письменном виде, иначе рвёт из себя катетеры и потому лежит привязанный, а несчастной тёще рассказывает, какой душой была его жена и как он от неё погуливал, принимая её за плохую сиделку, но хотелось бы, чтобы на будущее пригодилось. Вдруг в себя придёт?

– Ну тогда давай диагноз, что ли, читать буду.

Вадим молча передал деду бумагу, тот надел большие очки с отломанной дужкой и принялся читать.

– Ой-ой, как его, бедненького... – покачал головой расстроенно.

– Степан Петрович, у вас есть медицинские навыки? – снова попробовал стать главным на этом собеседовании Вадим.

– Да можно и так сказать, когда-то спортивная медицина была. Давно. Физиология там всякая. Сейчас уже мало памяти, но кое-что понимаю, конечно. Чем свеча от таблетки отличается, знаю, и откуда руки, а откуда ноги растут, знаю, и то хорошо. Не в этом моя главная ценность.

– А в чём? – отклонился от шпартгалки Вадим.

– Я со смертью спорю.

– Это как? – уточнил Вадим, уже начиная расстраиваться, рисовать чёрточку минуса и хвалить интуицию.

– А так. Вот врачи, они с ней борются. Заливают всякие жидкости в человека, чтобы её вымыть, таблеток придумали мама не горюй, режут, а я с ней спорю. И переспорил уже много раз, поэтому люди меня и зовут. Обидно только бывает, что когда я быстро лежачих поднимаю, то сам себя зарплаты лишаю. Коллеги мне говорят, что я старый дурак, и надо долго, чтобы работа была, а я долго не могу. Предыдущего за десять дней после инсульта поднял, так с меня вернуть зарплату, уже выплаченную, попросили. Вот так вот.

Вадим перестал рисовать минус, посмотрел внимательно на старика. Выцветшие серые глаза его пронзительно ясно сверками под косматыми дедморозовыми бровями без намё-

ка на безумие. Аферист, может быть? Разводит на деньги?

– Так вы, выходит, видели смерть в лицо, если с ней спорите?

– Конечно, видел, и не раз. Чуть не каждый мой болезный с ней знакомит, – спокойно ответил дед, не заметив иронии в голосе Вадима.

– И как она выглядит?

– Да как себе захочешь, так и выглядит. По мне так вполне себе симпатичная. То, что у кого-то работа поганая, это не повод выглядеть плохо. Такая ничего себе одетая, причёсанная. Я вон знал бабу, в рыбном цеху работала, так и та ничего себе была, а уж что может быть хуже.

– А мужик или баба?

– Вот тут не разберёшь. У них там, похоже, как в той Европе нынче нравы. Не угадаешь её – унисекс теперь таких называют. Голосок такой скрипучий, козлиный. И не бреется.

– Вы откуда знаете, что не бреется?

– А я порой с ней неделю вместе, так она щетиной не обрастает, значит, и не бреется.

– Ну выходит лик у «оно» человеческий.

– Да ну, какой там! У меня она на игуану похожа, потому как ведёт себя как та игуана.

– Это как?

– Да она ж к людям не по времени приходит, как думают. Пришла пора – пришла смерть. Нет, не так это. На запах она

идёт. Как в теле чё сильно не так, послабнет, чует она, и тут как тут, и кусает сразу, яду своего ещё впрыснет, чтоб наверняка и дальше уж не отстаёт, рядом вьётся, ждёт, выглядывает: помрёт, не помрёт. Ещё другой день прикусит, третий. Караулит. Ей, конечно, хорошо бы, чтоб помер кто, тогда она себе в мешок кладёт и тащит сдавать. Работа у неё сдельная, потому чем больше притащит, тем ей лучше: и премия, и отпуск, и звания всякие.

– Куда сдавать?

– На склад.

– А где у неё склад?

– Слушай, вот что ты за человек? Я сколько с ней говорил, ни разу даже не поинтересовался, что там да как. Она говорит – положено принять и доставить на склад. Я что, в душу ей полезу? Мне не она нужна, мне тот, кого она заграбастать хочет, нужен, и если утащит, то мне уже не остановить, куда бы ни тащила.

– Какой вы, деда, в самом деле, нелюбопытный. Если вы с ней вправду общаетесь, то она ж всё про то, что дальше, знает. Разузнали бы!

– Вот когда дотащит меня до склада, тогда и узнаю, а пока мне неинтересно. К тебе придёт, ты с ней и болтай о глупостях, – обиделся дед.

– Ну уж нет, я как-нибудь обойдусь тут, не зная...

– Вот то-то! Как указывать, все горазды, а как самому сделать, никто не хочет.

"Ой, ну и мастак же дед заливать, – думал Вадик, – ему бы в театре выступать, сам Станиславский ему бы "ВЕРЮ" во весь голос кричал!"

– Дед, но как так-то, вы её видите, а другие нет. Может, мерещится?

– Может и мерещится. Только что-то у меня после этого мерещенья безнадёжные оживают, – ещё больше надулся дед.

– Степан Петрович, вы не обижайтесь. Просто согласитесь, история ваша довольно странная.

– Да знаю я, сынок, знаю, и мне в службе говорят – хочешь работать, не рассказывай, а то им претензии предъявляют, что сумасшедших присылают. А мне тоже врать-то как? Я же буду с ней спорить, если меня позовёте. Зачем я иначе? Я вены не умею колоть, массажи не делаю, заговорами и ворожкой не умею. Русский я, мужик, руки у меня сильные, весу сто пятнадцать, так что любого здоровяка на руках ношу, да со смертью спорю – все мои "конкурентные преимущества", как наш менеджер говорит.

– Ну хорошо, допустим. А как вы в первый раз с ней повстречались?

– Ясное дело, как. С ней иначе не повстречаешься, только когда сам помрёшь. Я помер и повстречался.

Воцарилось неловкое молчание. Вадим не нашёл комментариев и хотел уже указать старику на дверь и отправиться пылесосить, остановившись на временном варианте невесты

всех пациентов, но дед продолжил:

– Умер я ещё десять лет назад. Было мне тогда всего-то пятьдесят пять. Дело в том, что у меня спортивное сердце, большое. Знаешь такое?

– Нет, – признался Вадим и на всякий случай стал набирать поисковый запрос "спортивное сердце большое".

– Так я, сынок, спортсмен бывший, тяжелоатлет, потом в зале железо долго тягал, а лет после пятидесяти бросил, дурак, решил, что всё. Не понимал, что большому сердцу нельзя нагрузку снижать, качать надо кровушку, обычных врачей ещё послушал, не спортивных, выпивал по праздникам прилично – в общем, надурил ого-го, ну и долбанул меня инфаркт. Я уже один тогда жил, без жены, дети за границей все. Одеваться никогда я в новое не любил – растоптанное да разношенное удобней всего, мне красоваться ни к чему. Нашли люди меня на улице, в луже за остановкой, решили, что бомж, подержали немного в больнице и выпустили. Сказали – иди, здоровый ты, ничего с тобой не будет. Приехал я домой, лёг, и накрыло меня так, что ни встать, ни повернуться. Всё вокруг темно, тошно, и жить не хочется совсем. У кровати кусок хлеба чернушки и таз, ну ты понимаешь. Вонь, смрад, лежу – помираю. Только я тогда уже травничать любил, и стояла у меня на столике настойка одна, эксперимент без патента. Гадкая – слов нет, и говорить тебе не буду, что туда намешано, но уверяю – все натуральное и на спирту. – Петрович рассказывал так уверенно, словно и правда

вспоминал, не придумывал, аж взопрел от эмоций, достал большой матерчатый платок, вытер лоб. – И решил я тогда жахнуть этой настойки и отмучиться – нельзя ж ни грамма, пропуск на тот свет после инфаркта спирт. Открыл её – воняет хуже моего тазика. Фу... Аж с души своротило. И вдругляжу – игуана эта здоровенная. Облизывается, морду в пузырьрёк тычет. Я, как и ты, решил сначала, что мне мерещится, но как к любой земной твари к ней обратился: "Что ж ты, – говорю, – наглая рожа, в мой пузырьрёк лезешь?", а она возьми и ответь: "Так вкуснятина какая! Что тебе, мужик, жалко? Я тебя всё равно заберу сегодня-завтра, не жадись, поделись!"

Степан Петрович от воспоминаний раскраснелся и говорил очень увлечённо. Видно, нечасто доводилось ему пересказывать эту историю.

– Я ей: "Куда это ты меня заберёшь, и кто ты такая вообще?" А она в ответ: "Да какая тебе уже разница?" – и лезет в пузырь языком своим раздвоенным. И тут прямо разобрало меня! Вот наглая ж тварь – я жив ещё, а она уже мою настойку жрёт. Выхватил у неё настойку, пальцем горлышко заткнул и говорю: "А ну-ка веди себя прилично, говори, кто ты и куда собралась меня тащить, тогда налью тебе мензурочку!" Она остепенилась, приняла приличный вид, села у кровати, рассказала, что она смерть, что ходит она не с косой, а с мешком (мешок мне тут же предъявила), что сдать ей положено меня на склад и что если я сам сейчас в этот мешок залезу, чтобы ей меньше труда, то будет она мне очень

признательна. То есть поведение всё равно наглое, вызывающее, неспортивное, я бы сказал, поведение, а меня такое и на смертном одре заводит. Я ей, как обещал, налил в чашку чуток, сам приглядываюсь. Лакает, языком своим противным облизывается. В секунды выжрала и хвостом, как собака, виляет, ещё просит. "Не, – говорю, – больше не дам, завтра приходи, а то много слишком!" Она тут оцетинилась, за палец меня цап, больно, а я чувю – так же больно, как было в груди мне. Так вот кто, значит, меня кусает там! Ладно. Хитрю. Накапал ей ещё побольше. Она вылакала и охмелела. Глаза змеиные косые, водит её. И что на меня нашло тогда, не знаю, а взял и выпалил ей: "Спорим, что не заберёшь меня ни завтра, ни послезавтра?" Она удивилась, почему, мол, да как. А я ей соврал, что у них на складе переучёт идёт, и всё равно туда никого не сдать, "ни мышонка, ни лягушку, ни неведому зверушку", ни, тем более, меня. Она озадачилась: "Ты почём знаешь?", а я не потерялся: "Так я лежу только новости и смотрю, делать-то нечего больше. Там говорят, что вчера и сегодня невиданное сокращение смертности на Земле – не помирает никто. Так что готов спорить, что ни сегодня, ни завтра ты меня не заберёшь!" Она давай возмущаться, мол, нечестно так, против правил. А я ей в ответ, что хлебать чужую настойку при живом хозяине тоже против правил, так что квиты. "Ну ладно, – говорит, – давай спорить. Если проспоришь, сам в мешок лезешь, всю дорогу до склада сидишь тихо и сбежать не пытаешься!" Я в ответ

согласился и договорились, что если не заберёт она меня сегодня-завтра, то оставит в покое и уберётся восвояси с пустым мешком с глаз долой из сердца вон.

Дед замолчал. Устал, наверное. Вадим уже начитался про спортивное сердце и с интересом смотрел на деда, готовясь парировать удар. Рано, ещё пара фраз, и он разрушит его карточный домик до основания!

– И что же дальше?

– Да понятно что. Я же здесь.

– А как она проиграла-то?

– Да по пьяни и по дури. Побежала на склад, узнавать, есть ли учёт. Далек он, видать. К утру только явилась, устроила мне скандал, мол, наврал. Я обиделся, говорю, это ж из новостей, мне откуда знать, врут или нет? Ты прогноз погоды слыхала какой бывает? Я ж играю ва-банк, можно сказать, а она такие обвинения. Блефовал, в общем, по-чёрному, представился ей за это ещё чаркой дряни. Потом говорю: "Раз уж такое дело, и нет учёта, давай я тебе на дорожку ещё бутылочку сделаю вкусенького и в мешок полезу". Она обрадовалась, хвостом завиляла, отпустила меня аж до кухни. А тут уж меня не удержать. Я живой воды своей выпил, травы пожевал, силы набрался, и дозу ей такую крепкую намешал, что вырубилась она с полчашки и очнулась только на другой день, когда поздно было. Пропорила. Обещание сдержала, надо отдать ей должное. И вот я теперь весь живой, работаю.

Красивая была история, но истина была Вадиму дороже.

– Дедушка, а как же с другими-то её видите?

– Так на настойку приманиваю. Всегда является, для неё настойка эта – как для кота валерьянка.

– И что дальше?

– А всё то же – спорю я со смертью.

Тадам! Вот он, момент истины. Вадим набрал побольше воздуха и с излишней торжественностью изрёк:

– Так что же, у неё память такая короткая, что она снова и снова на одну и ту же утку покупается?

Дед посмотрел на него как на полного идиота, с сожалением, причмокнул губами, покачал головой.

– Ой, молодёжь! Не доведут вас до добра компьютеры эти! Совсем простых вещей уже не понимаете! Неужто ты и правда думаешь, что она одна по свету бродит? Может, ты ещё и в Деда Мороза веришь? – усмехнулся старик. – Как бы ей одной успеть за всеми, ежели каждый миг умирает по два-три человека по всему шару. В день сколько, ну-ка посчитай.

Вадим засмутился. На калькуляторе принялся считать.

– Тысяч двести.

– Ну примерно так, может поменьше. Хоть для чего-то ваши телефоны пригодны. Так вот и представь, сколько их по миру бегают, если человека надо ещё довести до мешка-то? Иногда месяцы пасёт ведь, змеюка. Она говорила, что их мультёнов пять уже, и ещё обучают. Так что я пока ту же ни разу не встречал.

– А если встретишь?

– А если встречу, у меня для неё ещё домашняя заготовка есть. Буду спорить, что она бутылку мою зараз из горла не выпьет. Уложу её на пару дней, дам время подняться человеку своему болезному без её укусов. А ещё встречу, буду спорить, что она предыдущие два раза мне проспорила, потому что в школе хуже меня училась. Заставлю мне табель тащить. Когда кто-то на выпивку слаб и на спор заводится – с ним совладать дело нехитрое. Так что, может, и с вашим болящим её переспорю. Судно только купите, а то смерть смертью, а писать куда-то ему надо будет.

Они попрощались. Дед уходил расстроенный, думал не возьмут. Вадим остался озадаченный. Позвонил в патронажную службу, попросил телефоны рекомендателей. Потом позвонил в патронажную службу и попросил телефоны выживших. Потом позвонил жене и отчитался, что смотрел сегодня троих.

– Берём деда, Степана Петровича.

Она что-то затараторила в ответ про "мне надо послушать".

– Я уже отзвонился в патронаж и заключил договор. Третьего у нас будет два деда: наш и спорящий со смертью.

О пользе свежего воздуха и французского шоколада

– Мне всё равно, какая у нас программа. Я сюда приехала смотреть и буду смотреть столько, сколько мне понадобится! – ответила белокурая старушка в панаме на предложение экскурсовода поторопиться с осмотром замка, потому что автобус попал в пробку, из-за чего группа выбилась из графика. – Пробок много, а жизнь у меня одна, и, судя по последним годам, не такая уж долгая. Я буду смотреть, ждите.

Сказала и ушла фотографировать клумбы замка Амбуаз* на свой старенький телефон.

– Ну что ж, будем ждать. Можете тоже пофотографироваться, пока Елизавета Тихоновна не вернётся, –скомандовала гид группе.

– И что потом? – зашумели все, опасаясь расходиться. Экскурсионная группа за границей сродни группе детского сада – лучше к воспитательнице поближе и слушаться.

– А потом я попробую договориться, чтобы нам обед перенесли на более позднее время.

– Так может быть, не будем ждать её? Сколько можно уже терпеть эти старушечьи капризы! Пусть остается здесь, с Леонардо рядышком. Воздух тут свежий, на пользу ей пойдёт, глядишь, мозгом чуток поправится, и замок для прин-

цессы, и усыпальница, опять же, по случаю пригодится. – Интересы грузного мужчины в жилете и старушки в панаме расходились уже не раз. В автобусе их перепалки стали привычным сопровождением пути, а в вопросах своевременного принятия пищи мужчина оказался особенно щепетильным и от угрозы переноса обеда разгневался не на шутку.

Впервые они схлестнулись еще на выезде из Парижа. Мужчина в жилетке сидел позади старушки. Он был велик, ему было жарко, и он требовал включить кондиционер. Ей, щупленькой, всё время холодно, и она требовала отключить кондиционер. Она доставала из сумочки заранее припасенный алюминиевый крючок, цепляла его за боковую ручку сиденья и вешала свой светлый плащ родом из семидесятых годов XX века в проходе. Мужчина его пару раз уронил, не со зла, а потому что плохо помещался в отведенном ему пространстве, и потому что крючок вряд ли был предназначен для этой цели вообще. Она, регулируя спинку сиденья, ему всё время мешала – каждый сантиметр был у него на счету, он же якобы всё время пинал её в спину. Она пристроила удобно, как ей казалось, свой мусорный пакетик, практически ему на колени. Они ругались, ругались, ругались.

– Ну что вы говорите, ей-богу! – гид была расстроена. – Разве можно так, она ведь человек, а не вещь. Это старый шкаф можно оставить, а её я не оставлю.

– Да ладно вам, красота какая! Восторг! Побывать тут лишних десять минут никому не повредит, – вступился за ста-

рушку один из канадцев.

Всего их в группе двое, эмигрантов из Канады, которые купили тур с русской группой по замкам специально, чтобы побыть телом во Франции и в России душой одновременно. Сами гида хвастались, теперь весь автобус об этом знает. Поселялись они всегда в один номер на двоих, но вели себя очень прилично, и разве что по слишком долгим взглядам глаза в глаза можно было догадаться, почему они путешествуют вместе. Понял это и грузный мужчина в жилете и плевал на чистые дорожки замков каждый раз, когда оказывался с канадцами рядом. Вот и сейчас плюнул и отошёл в сторону.

Гид убеждала кого-то по телефону, красиво по-французски грассируя, просила, даже умоляла, но с досадой опустила руки.

– Моя группа, мои "Медведи", подойдите ко мне на минуту. Время обеда нам перенести не удалось – у них очень плотный график сегодня, группа за группой, поэтому наш дальнейший план меняется. Сейчас у нас с вами сорок минут свободного времени. Вы можете погулять здесь в замке или выйти на площадь перед замком, там есть магазинчики с сувенирами, и особо обратите внимание на шоколадную лавку – такого шоколада вы точно никогда и нигде не найдёте! Только не наедайтесь, потому что потом мы быстро обедаем и идём пешком в Замок Клу**, где жил в последние годы, творил и умер великий Леонардо.

– А куда мы сувениры-то денем, если их накупим? В автобус можно положить? Пусть подъедет ненадолго.

– Автобус стоит на стоянке примерно в километре отсюда. Ему нельзя двинуться с места, потому что водитель сейчас должен отдыхать четыре часа, или система слежения автоматически отключит его и не даст нам ехать дальше.

– Итить вашу бабулечку по самое не балуйся! Всю программу нам сегодня поломала! – не удержался от комментариев грузный мужчина. Группа неодобрительно загудела, вспоминая бабушку недобрым словом.

– Елизавета Тихоновна здесь ни при чём, пробки во Франции похуже чем в России бывают, вы же видели. Не волнуйтесь, вся программа будет выполнена.

– А можно будет в Клу не ходить и подождать вас где-нибудь, – поинтересовался заботливый молодой человек, девушка которого в кровь стёрла ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.